

А. Е. Бельский

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ НЕЗАКОННЫХ ПРОИЗВОДСТВА, СБЫТА ИЛИ ПЕРЕСЫЛКИ НАРКОТИКОВ

CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE PREVENTION OF ILLEGAL PRODUCTION, SALE OR TRANSFER OF DRUGS

В статье рассмотрены концептуальные основы противодействия незаконному производству, сбыту или пересылке наркотиков, совершённых лицом с использованием своего служебного положения. В ней проанализированы различные концепции профилактики наркопреступности, совершаемой с использованием служебного положения, на предмет их использования и применения в действующем законодательстве Российской Федерации. Сделан вывод о том, что в Российской Федерации применяется своя уникальная многопрофильная (многоаспектная, многофакторная) модель противодействия незаконному обороту наркотиков. Указанный вывод сделан на основе анализа особенностей российского законодательства и российской правоприменительной практики.

The article discusses the conceptual foundations of countering the illegal production, sale or transfer of drugs committed by a person using his official position. It analyzes various concepts of drug crime prevention committed with the use of official position, with a view to their use and application in the current legislation of the Russian Federation. It is concluded that the Russian Federation uses its own unique multidisciplinary (multidimensional, multifactorial) model of countering drug trafficking. This conclusion is based on the analysis of the peculiarities of Russian legislation and Russian law enforcement practice.

С развитием цивилизованных форм совместного проживания люди стали задумываться не только о возможности регулирования поведения человека в обществе путём установления наказаний за совершение противоправных деяний, но и о возможности искоренения преступности как таковой. В частности, некоторое теоретическое осмысление вопроса борьбы с преступностью и возможности участия государства в противодействии преступности можно увидеть в трудах Аристотеля, Платона, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Т. Мора, Ш. Монтескье, Ч. Беккариа.

Со временем, по мере развития общества идея возможности полного искоренения преступности эволюционировала в осознание того, что преступность вечна, то есть это социальное явление является постоянным спутником человеческого общества. Родоначальником этой идеи является Ференц Лист. В свою очередь французский социолог Эмиль Дюркгейм считал преступность обычным, рядовым, нужным и даже в определённой степени позитивным явлением. Итальянец Гарофало высказал мнение о том, что если даже в обществе у всех будет хорошее благосостояние и не будет бедных, то преступность все равно никуда не исчезнет [1]. Аналогичной точки зрения придерживается современный отечественный криминолог Ю. М. Антонян, уточняя, что преступность можно лишь удерживать

на социально-приемлемом уровне путём применения мер предупреждения [2].

В отечественной криминологической науке используются термины «борьба с преступностью», «профилактика преступности», «предупреждение преступности» и «противодействие преступности». Согласимся с мнением исследователей о том, что применение такой терминологии, в сущности, представляет различные концепции и модели противостояния преступности. Выделяют следующие модели-концепции противостояния преступности: правовой превенции, социальной превенции (профилактики), медико-биологической превенции, виктимологической профилактики, компромисса с преступной средой, легализации преступного поведения [3]. Рассмотрим их более подробно.

Выражение «борьба с преступностью» более применимо к концепции правовой превенции. В отечественной криминологической науке борьба с преступностью трактуется как активная целенаправленная правоохранительная деятельность, направленная на причины и условия преступности [4]. Суть концепции правовой превенции заключается в усилении уголовно-правовой политики, уголовно-правового принуждения и усилении сил правопорядка в целях противодействия преступности [5, 6]. По нашему мнению, данная концепция является основной для рос-

сийского законодательства и государства в плане противодействия незаконному обороту наркотиков. Применительно к настоящему исследованию об этом свидетельствуют следующие моменты.

Во-первых, это наличие в уголовном законодательстве состава преступления — «незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, совершённые лицом с использованием своего служебного положения», который изложен в п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

Во-вторых, это наличие судебной практики, сложившейся по применению судами п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В процессе исследования изучены тексты 34 приговоров, вынесенных судами по результатам рассмотрения уголовных дел по фактам совершения указанного преступления. Тексты изученных приговоров размещены в государственной автоматизированной системе «Правосудие» (ГАС «Правосудие», <http://sudrf.ru>).

В-третьих, это статистика наркопреступлений, которая необходима для прогнозирования данного вида преступности и планирования мероприятий по противодействию ей. Так, Генеральная прокуратура Российской Федерации на своих электронных ресурсах сети Интернет (<http://www.crimestat.ru>) представила сведения, демонстрирующие стабильно высокий уровень наркопреступлений. В частности, в 2016 году в Российской Федерации зарегистрировано 201 165 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в 2017 году — 208 681, в 2018 году — 200 306, в 2019 году — 190 197, в 2020 году — 189 905 и в 2021 году — 179 732.

В-четвёртых, это наличие большого количества нормативных правовых актов антинаркотической направленности различного уровня. Укажем наиболее основополагающие среди них: УК РФ (ст. ст. 228—234.1), Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 6.8—6.10, ч. 2 ст. 20.20, ст. 20.22), Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года», Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».

В-пятых, регулярное проведение силами правоохранительных органов мероприятий по задержанию

наркопреступников и изъятию крупных партий наркотиков, о чём имеются сообщения в средствах массовой информации. В частности, новость за 6 декабря 2022 года: полицейскими Алтайского края пресечена деятельность группы наркобизнесчиков, которые незаконно распространяли наркотические средства. В состав криминальной команды входили 12 участников. Наркопреступники осуществляли незаконный сбыт различных наркотиков в таких субъектах России, как Алтайский край, Новосибирская, Томская, Омская, Кемеровская и Свердловская области. Возбуждено семнадцать уголовных дел по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 Уголовного кодекса РФ [7]. И ещё много аналогичных тематических новостных сообщений на официальном сайте МВД России.

Сильными сторонами концепции правовой превенции преступности являются ясная, понятная и чёткая стратегия противодействия преступности, мотивирование активности органов правоохранительного порядка, оказание непосредственного воздействия на личность преступника, очевидность и простота понимания населением страны и, как следствие, популярность и поддержка массами проводимой государством уголовно-правовой политики. Однако у данной концепции есть существенный недостаток, который снижает её эффективность, а иногда сводит к минимуму позитивный момент деятельности правоохранительных органов. Речь идёт о том, что концепция правовой превенции не оказывает практически никакого влияния на негативные общественные явления, которые способны детерминировать преступность. Подразумеваются негативные экономические, социальные, духовные и политические явления и процессы, которые происходят в обществе.

В целях учёта детерминирующего воздействия вышеуказанных негативных общественных явлений на преступность и для более эффективного противодействия ей возникла концепция социальной превенции преступности, главная идея которой — ликвидация, нейтрализация негативных общественных явлений, которые являются причинами преступности, путём улучшения качества жизни граждан, и в первую очередь материальной составляющей. Как видно, в настоящее время Россия также использует данную концепцию, что подтверждается следующими моментами. Минимальный размер оплаты труда в России с 1 января 2023 года увеличен до 16 242 рублей [8]. Кроме того, Президент РФ поручил Правительству РФ в январе 2023 года провести индексацию зарплат бюджетников, а также выделить необходимую финансовую помощь регионам — тем, которые действительно

нуждаются в этой помощи [9]. Безусловно, данные меры помогают стабилизировать материальное, финансовое положение граждан России. Также одним из свидетельств того, что Российская Федерация реализует мероприятия в рамках концепции социальной превенции, является организация условий для надлежащего развития граждан в духе законопослушного и правомерного поведения как нормы жизнедеятельности.

Анализ результатов мониторинга принятых мер по вовлечению детей, состоящих на различных видах учета, в общественно значимые мероприятия, в том числе в добровольческую и волонтерскую деятельность, показал, что в регионах Российской Федерации используются в основном традиционные формы и методы этой работы. Самым популярным методом во всех регионах является организация массовых пиар-кампаний, в ходе проведения которых организуется работа информационных палаток, разработка и печать информационно-рекламной продукции, проведение агитационных акций и компаний, публикации в местных средствах массовой информации и пропаганда добровольческой деятельности в сети Интернет [10]. Конечно, это очень хорошие начинания, обладающие значительным антикриминальным потенциалом. Однако очевидным недостатком концепции социальной превенции преступности является дороговизна проводимых в её рамках мероприятий. К тому же общеизвестным является факт, что даже богатые, материально обеспеченные и духовно развитые люди могут совершать преступления. Таким образом, концепция социальной превенции создаёт основы, благоприятные условия для снижения уровня преступности, но окончательно не устраняет морально-нравственные пороки, составляющие базу для криминальной мотивации.

Были проанализированы имеющиеся в ГАС «Правосудие» тридцать четыре текста приговоров судов общей юрисдикции за период с 2012 по 2021 год уголовных дел по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ и составлен криминологический портрет личности преступника, совершающего незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков с использованием своего служебного положения. Указанный портрет выглядит следующим образом. Это являющийся гражданином РФ мужчина трудоспособного возраста, состоящий в браке и имеющий на иждивении детей, образованный не ниже средне-специального уровня, имеющий постоянное место жительства, не имеющий вредных привычек, не состоящий на учёте у врача-нарколога и психиатра, положительно характеризующийся по месту жительства и работы. Интересным признаком личности преступника, установленным в ходе исследования, является

то, что он работает в органах внутренних дел РФ или ФСИН РФ на должностях, предполагающих взаимодействие и общение с осужденными, подозреваемыми или обвиняемыми [11]. Таким образом, исследованием установлено, что, несмотря на положительную характеристику и внешний образ законопослушного гражданина, моральная составляющая, нравственная сфера данной категории обвиняемых деформирована в сторону удовлетворения своих материальных потребностей. Как следует из материалов судебной практики, мотивом совершения данного вида преступлений является корысть — стремление обогатиться любым путём, в том числе путём совершения преступлений.

Следующей концепцией противодействия преступности, которая получила своё развитие в российском уголовном законодательстве, является концепция медико-биологической превенции. В основе данной концепции лежит идея противодействия преступности не только путём применения к виновным мер уголовного наказания, но и путём применения иных мер правового принуждения, а именно так называемых мер безопасности. Исследователи под мерами безопасности в контексте правового принуждения подразумевают «меры некарательного ограничения поведения физических лиц, применяемые специально для предотвращения вредоносного воздействия определенного источника повышенной опасности» [12]. Похожие идеи в криминологической науке высказывались ещё во второй половине 20 века. В частности, криминологи Ю. Д. Блувштейн, Н. М. Зырин и В. В. Романов справедливо отмечали, что криминологические меры профилактики должны выражаться не только в принуждении, но и в оказании на правонарушителя воспитательного воздействия [13]. Также аналогичные идеи возникли и начали реализовываться с конца 80-х годов прошлого века в США и Австралии. Так, в указанных странах получило распространение «сбалансированное» правосудие, реализуемое на практике специализированными «лечебными», «наркологическими» судами. Деятельность этих судов «направлена в первую очередь на решение вопросов по лечению и реабилитации наркопотребителей и только затем — на избрание соответствующих мер пресечения и наказания за совершенное преступление» [14]. Таким образом, можно утверждать о возникновении на западе терапевтической юриспруденции, которая в духе гуманизма способствует лечению наркозависимых. Положительным моментом концепции медико-биологической превенции преступности является признание возможности применения государством не только мер уголовной ответственности за совершение преступления, но

и иных мер принуждения. В российском уголовном законодательстве, например, эти иные меры принуждения называются иными мерами уголовно-правового характера, которые предусмотрены разделом 6 УК РФ. К ним относятся принудительные меры медицинского характера, которые, несомненно, играют положительную роль в лечении наркопотребителей. Необходимость воздействовать на виновных лиц не только мерами наказания, но иными мерами уголовно-правового характера вызвана объективной необходимостью учитывать истинную криминогенную мотивацию, под влиянием которой лицо совершило преступление. Например, преступление могло быть совершено под влиянием отклонений в психике человека, что будет являться основанием для применения принудительных мер медицинского характера, предусмотренных статьей 99 УК РФ.

Основная мысль концепции виктимологической профилактики заключается в снижении виктимности конкретных лиц и отдельных групп граждан, оказавшихся в криминогенной ситуации, в создании организационно-правовой основы для реализации потерпевшими своих прав, оказании потерпевшим материальной и психологической помощи [15]. Считаем, что данная концепция не самостоятельна и находится в зависимости от эффективной реализации мероприятий, проводимых, прежде всего, в рамках концепции социальной превенции преступности. Хотя в законодательстве РФ имеются свидетельства реализации концепции виктимологической профилактики преступности. В частности, организационно-правовой основой для защиты потерпевшими своих прав в рамках уголовного судопроизводства является ст. 42 УПК РФ, где перечислены права потерпевшего по уголовному делу. Что касается психологической помощи потерпевшим, то следует отметить, что 24 июня 2014 г. в Государственную Думу был внесен законопроект федерального закона «О психологической помощи населению в Российской Федерации», который до настоящего времени не принят [16]. Концепция виктимологической профилактики преступности реализуется в России не в достаточном объеме.

Главная идея концепции компромисса с преступностью состоит в том, что правоохранительные органы и криминальные структуры в определенных ситуациях могут объединять свои усилия по борьбе с совершением отдельных видов преступлений, совершаемых отдельными преступниками и преступными группами. Одним из сторонников данной концепции являлся политический деятель, глава либерально-демократической партии России В. В. Жириновский, который утверждал, что государство должно уметь договариваться с лидерами и главарями преступного мира [17].

Данная концепция, по мнению некоторых исследователей, обладает существенными недостатками. Так, М. П. Клейменов, на наш взгляд, совершенно верно полагает, что полностью положиться на криминальные структуры в деле борьбы с преступностью невозможно, так как высока вероятность того, что криминалитет может превратиться из инструмента противодействия отдельным преступным проявлениям в инструмент лоббирования преступных интересов через органы государственной власти [18]. Некоторые исследователи утверждают, что иногда взаимодействие с лидерами преступной среды может способствовать предотвращению некоторых преступлений [19]. Но необходимо понимать, что данная концепция должна применяться лишь в крайнем случае и только как вынужденная мера, а не составлять основу уголовно-правовой политики государства. Фактически данная концепция существует и в России. Она нашла своё отражение в законодательстве об уголовном судопроизводстве, а именно действующим УПК РФ установлен институт досудебного соглашения о сотрудничестве — соглашения между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Данный компромисс возможен только при определённых условиях, а именно — полном признании вины, активном способствовании расследованию уголовного дела и изобличению других виновных лиц. Также в п. 1 примечания к ст. 228 УК РФ компромиссным является положение об освобождении лица от уголовной ответственности при добровольной сдаче наркотиков, активном способствовании раскрытию, пресечению и изобличению других преступников. В отношении незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершённых лицом с использованием своего служебного положения, такое компромиссное положение законодательством не предусмотрено.

Концепция легализации преступного поведения заключается в декриминализации ряда преступных деяний, например производства, хранения, распространения наркотиков. Обосновывается это тем, что привлечение лица к уголовной ответственности не способствует исправлению осуждённого, а способствует отчуждению осуждённого от социально полезных связей. Однако речь может идти о декриминализации лишь тех деяний, которые действительно утратили свою общественную опасность к определённому моменту времени развития общества. О минусах данной концепции подробно пояснял М. Ш. Ша-

киров, который писал о негативном опыте легализации преступного поведения в Амстердаме. Так, М. Ш. Шакиров выделил следующие основные недостатки. Первое, наркотики стали более распространены, к их употреблению пристрастилось большое количество людей. Второе, из-за того, что лёгкие наркотики не дают нужного эффекта, наркозависимые лица вынуждены начинать употреблять сильнодействующие наркотические средства. Третье, употребление любых наркотиков влечёт причинение вреда здоровью [20]. Об аналогичном отрицательном опыте Германии повествовал и А. В. Шеслер [21]. Учитывая вышеуказанные существенные недостатки, концепция легализации преступного поведения не нашла своего воплощения в Российской Федерации. П. В. Тепляшин справедливо указывает на то, что уменьшать число наркопреступлений необходимо путём реального сокращения числа соответствующих противоправных деяний, а не путём их декриминализации, что противоречит цели формирования в обществе отрицательного отношения к немедицинскому употреблению наркотиков [22]. Таким образом, в России в настоящее время нет предпосылок для декриминализации любых наркопреступлений. Можно предположить, что возникновение и реализация в странах Европы концепции легализации стали возможными из-за лоббирования своих финансовых интересов фармацевтическими компаниями, которые нуждаются в рынках сбыта наркосодержащей продукции.

Как видно из изложенного выше, различные концепции и модели противодействия преступности рассматривают вопрос её искоренения с различных сторон, что говорит о том, что преступность сама по себе многофакторное и разноаспектное явление. Я. И. Гишинский предложил рассматривать преступность как одну из форм социально отклоняющегося, девиантного поведения. В своей работе «Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других "отклонений"» он проанализировал труды З. Баумана, Н. Винера, Ж. Ф. Лотара, М. Фуко, А. Мальро, Ж.-П. Сартра и многих других ученых, которые стояли у истоков различных теорий социального контроля в обществе и задавались вопросом, а возможно ли вообще поддерживать в обществе порядок, какие для этого возможности есть у государства.

Проанализировав не только различные исследования, но и исторический опыт различных стран, Я. И. Гишинский пришёл к выводу о том, что организованность в обществе и его дезорганизация неразрывно связаны и не могут существовать отдельно одно от другого, а девиации, как социально отклоняющееся поведение, на самом деле не вредны, а даже полезны с точки зрения развития системы общественных отношений, обеспечения выживания и сохранности общества [23]. При этом Я. И. Гишинский небезосновательно указывал на низкую эффективность применения института наказаний в отношении преступников без применения различных форм поощрения социально позитивного поведения в обществе.

Рассуждая о противодействии наркопреступности в целом в России, необходимо отметить, что Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года исходит из многофакторности и разнообразия причин и обстоятельств, детерминирующих наркопреступность. Поэтому некоторые исследователи считают, что в России сложилась своя уникальная многофакторная и разноаспектная модель противодействия преступности [24], которая пытается учесть всё многообразие факторов, влияющих на возможность распространения незаконного оборота наркотиков. Этим можно объяснить тот факт, что в российском законодательстве, посвященном противодействию наркоугрозе, можно обнаружить реализацию положений различных концепций противодействия преступности.

Подводя итог анализу вышеуказанных концепций и их реализации в России, можно сказать, что на практике сложилась модель контроля за состоянием преступности, связанной с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотиков, совершёнными лицом с использованием своего служебного положения. Указанная модель исходит из того, что наркопреступность в принципе неискоренима и основной задачей является её удержание в предельно допустимых, безопасных в целом для общества и государства параметрах. Для достижения этой задачи Российская Федерация использует лучшие идеи всех вышеизложенных концепций. Разумность избранного Россией пути, на наш взгляд, подтверждается многолетними научными изысканиями социологов и криминологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминология : учебник для академического бакалавриата / В. В. Лунеев. — М. : Юрайт, 2017. — С. 277.

2. Антонян Ю. М. Общая концепция предупреждения преступности // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 2 (82). — С. 21.

3. Шеслер А. В., Шеслер С. С. Противодействие преступности: основные концепции // Вестник Владимирского юридического института. — 2010. — № 3 (16). — С. 165.
4. Репецкая А. Л., Рыбальская В. Я. Криминология. Общая часть : учебное пособие. — Иркутск, 1999. — С. 188.
5. Иншаков С. М. Зарубежная криминология. — М., 2003. — С. 227—229.
6. Криминология / под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. — М., 1988. — С. 255.
7. Новости МВД России. — URL: <http://мвд.рф/news/rubric/> (дата обращения: 15.02.2023).
8. Президент России : официальный сайт. 2023. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/> (дата обращения: 13.03.2023).
9. Советание с членами Правительства // Президент РФ : официальный сайт. 2023. — URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 13.03.2023).
10. Рекомендации по стимулированию вовлечения детей, состоящих на различных видах учета, в общественно значимые мероприятия, в том числе в добровольческую и волонтерскую деятельность : письмо Минобрнауки России от 19.12.2017 № 07-7453 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 13.03.2023).
11. Бельский А. Е. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков с использованием своего служебного положения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2021. — № 3 (44). — С. 63—71.
12. Щедрин Н. В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности. — Красноярск, 2006. — С. 14.
13. Профилактика преступлений : учеб. пособие для юрид. вузов / Ю. Д. Блувштейн, М. И. Зырин, В. В. Романов. — Минск : Университетское, 1986. — С. 130—131.
14. Тепляшин П. В. «Сбалансированное» правосудие в контексте криминологических перспектив профилактики наркопреступности // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты: материалы международного научно-практического семинара (9 апреля 2021 г.) / отв. ред. Н. Н. Цуканова. — Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021. — С. 50—53.
15. Шнайдер Г. И. Криминология. — М., 1994. — С. 371—375.
16. Проект Федерального закона № 553338-6 «О психологической помощи населению в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.06.2014) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2023).
17. Жириновский В. В. Последний вагон на север : сборник. — М. : Фолиант, 1995. — С. 51—52.
18. Клейменов М. П. Идеология воздействия на преступность // Научный вестник Омского юридического института МВД России. — 1998. — № 1 (7). — С. 7.
19. Подлесских Г. Ю. Воры в законе: бросок к власти. — М. : Худ. лит., 1995. — С. 114—117.
20. Шакиров М. Ш. Наркобизнес в России. Многоликая наркомафия расширяет преступную деятельность в России. — М. : Центрполиграф, 1998. — С. 137—140.
21. Шеслер А. В., Шеслер С. С. Противодействие преступности: основные концепции // Вестник Владимирского юридического института. — 2010. — № 3 (16). — С. 169.
22. Тепляшин П. В. Декриминализация незаконного хранения наркотиков: гипотетическая перспектива в контексте криминологической постановки проблемы // Подразделения по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: 30 лет со дня образования : материалы международного научно-практического семинара / отв. ред. Д. В. Ким, Н. Н. Цуканова. — Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021. — С. 56—59.
23. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Ассоц. «Юридический центр». — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова : Юридический центр Пресс, 2007. — С. 476—521.
24. Мальков С. М. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: характеристика и тенденции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2021. — № 1 (42). — С. 52.

REFERENCES

1. Kriminologiya : uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / V. V. Luneev. — М. : Yurajt, 2017. — S. 277.
2. Antonyan Yu. M. Obshhaya koncepciya preduprezhdeniya prestupnosti // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2013. — № 2 (82). — S. 21.
3. Shesler A. V., Shesler S. S. Protivodejstvie prestupnosti: osnovny'e koncepcii // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. — 2010. — № 3 (16). — S. 165.
4. Repeczkaya A. L., Ry'bal'skaya V. Ya. Kriminologiya. Obshhaya chast' : uchebnoe posobie. — Irkutsk, 1999. — S. 188.
5. Inshakov S. M. Zarubezhnaya kriminologiya. — М., 2003. — S. 227—229.
6. Kriminologiya / pod red. B. V. Korobejnikova, N. F. Kuznecovoj, G. M. Min'kovskogo. — М., 1988. — S. 255.

7. Novosti MVD Rossii. — URL: <http://mvd.rf/news/rubric/> (data obrashheniya: 15.02.2023).
8. Prezident Rossii : oficial'ny'j sajt. 2023. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/> (data obrashheniya: 13.03.2023).
9. Soveshhanie s chlenami Pravitel'stva // Prezident RF : oficial'ny'j sajt. 2023. — URL: <http://kremlin.ru> (data obrashheniya: 13.03.2023).
10. Rekomendacii po stimulirovaniyu вовлечениya detej, sostoyashhix na razlichny'x vidax ucheta, v obshhestvenno znachimy'e meropriyatiya, v tom chisle v dobrovol'cheskuyu i volonterskuyu deyatel'nost' : pis'mo Minobrnauki Rossii ot 19.12.2017 № 07-7453 // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashheniya: 13.03.2023).
11. Bel'skij A. E. Kriminologicheskaya karakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushhego nezakonny'e proizvodstvo, sby't ili peresy'lku narkotikov s ispol'zovaniem svoego sluzhebnoho polozheniya // Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2021. — № 3 (44). — S. 63—71.
12. Shhedrin N. V. Istochnik povы'shennoj opasnosti, ob'ekt povы'shennoj ohrany` i mery` bezopasnosti. — Krasnoyarsk, 2006. — S. 14.
13. Profilaktika prestuplenij : ucheb. posobie dlya yurid. vuzov / Yu. D. Bluvshtejn, M. I. Zy`rin, V. V. Romanov. — Minsk : Universitetskoe, 1986. — S. 130—131.
14. Teplyashin P. V. «Sbalansirovannoe» pravosudie v kontekste kriminologicheskix perspektiv profilaktiki narkoprestupnosti // Protivodejstvie narkougroze na sovremennom e'tape: pravovoj i social'no-gumanitarny'j aspekty` : materialy` mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminaru (9 aprelya 2021 g.) / otv. red. N. N. Czukanova. — Krasnoyarsk : SibYul MVD Rossii, 2021. — S. 50—53.
15. Shnajder G. I. Kriminologiya. — M., 1994. — S. 371—375.
16. Proekt Federal'nogo zakona № 553338-6 «O psixologicheskoy pomoshhi naseleniyu v Rossijskoj Federacii» (red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 24.06.2014) // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashheniya: 13.03.2023).
17. Zhirinovskij V. V. Poslednij vagon na sever : sbornik. — M. : Foliant, 1995. — S. 51—52.
18. Klejmenov M. P. Ideologiya vozdejstviya na prestupnost' // Nauchny'j vestnik Omskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. — 1998. — № 1 (7). — S. 7.
19. Podlesskix G. Yu. Vory` v zakone: broсок k vlasti. — M. : Xud. lit., 1995. — S. 114—117.
20. Shakirov M. Sh. Narkobiznes v Rossii. Mnogolikaya narkomafiya rasshiryaet prestupnuyu deyatel'nost' v Rossii. — M. : Centrpoligraf, 1998. — S. 137—140.
21. Shesler A. V., Shesler S. S. Protivodejstvie prestupnosti: os-novny'e koncepcii // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. — 2010. — № 3 (16). — S. 169.
22. Teplyashin P. V. Dekriminalizaciya nezakonnoho xraneniya narkotikov: gipoticheskaya perspektiva v kontekste kriminologicheskoy postanovki problemy` // Podrazdeleniya po kontrolyu za oborotom narkotikov Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii: 30 let so dnya obrazovaniya : materialy` mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminaru / otv. red. D. V. Kim, N. N. Czukanova. — Krasnoyarsk : SibYul MVD Rossii, 2021. — S. 56—59.
23. Gilinskij Ya. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugix «otklonenij» / Assocz. «Juridicheskij centr». — 2-e izd., ispr. i dop. — Sankt-Peterburg : Izd-vo R. Aslanova : Yuridicheskij centr Press, 2007. — S. 476—521.
24. Mal'kov S. M. Strategiya gosudarstvennoj antinarkoticheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: karakteristika i tendencii // Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2021. — № 1 (42). — S. 52.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бельский Александр Евгеньевич. Старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки. Сибирский юридический институт МВД России.
E-mail: alexanderbelsky548@yandex.ru
Россия, 660131, Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Belsky Alexander Evgenievich. Senior lecturer of the chair of Tactical and Special Training. Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: alexanderbelsky548@yandex.ru
Work address: Russia, 660131, Krasnoyarsk, Rokossovsky Str., 20.

Ключевые слова: правовая превенция; социальная превенция (профилактика); медико-биологическая превенция; виктимологическая профилактика; компромисс с преступной средой; легализация преступного поведения; незаконное производство; сбыт или пересылка наркотиков; использование служебного положения.

Key words: legal prevention; social prevention (prevention); biomedical prevention; victimological prevention; compromise with the criminal environment; legalization of criminal behavior; illegal production; sale or transfer of drugs; use of official position.

УДК 351.761.3